An excerpt from the paper by S. Morissey

Сьюзан Морисси,

Патриотизм и радикализм: петроградские студенты в годы первой мировой войны

С усилением международной напряженности летом 1914 года на улицы Санкт-Петербурга (вскоре переименованного в Петроград) высыпали огромные толпы с флагами, иконами и портретами царя. Они устраивали митинги протеста перед посольствами Германии и Австрии, проходили демонстрациями по Невскому проспекту, служили молебны в Казанском соборе и распевали «Боже царя храни» перед Зимним дворцом.[1] Бульварная газета «Петербургский листок» делала особый акцент на многоклассовый состав этих толп: среди них были и рабочие, и студенты, и чиновники, и офицеры, и представители благородного сословия. Публиковавшиеся газетой фотографии изображали благостную картину, которая подавалась в неожиданном ракурсе: пожилой генерал беседует с ветераном-рабочим, фабричная молодежь радостно приветствует офицеров[2]. Общая цель устраняет социальные противоречия – таков был подтекст этих материалов. Несмотря на политический тупик, в который зашла страна, и поднявшуюся весной 1914 года волну рабочих забастовок, казалось, что петербуржцы, забыв прежние разногласия, встали все, как один. Только правительство, похоже, не могло решить, как ему следует реагировать. Вместо того, чтобы подержать этот всплеск народного энтузиазма, градоначальник запретил излияние патриотических чувств как действие, нарушающее спокойствие в городе.[3]

Эти манифестации не просто нарушали общественный порядок, они переворачивали с ног на голову уже устоявшиеся политические шаблоны. Во главе их явно шли рабочие и, несмотря на время года, студенты многочисленных петербургских вузов [4]. И та, и другая группы славились своим радикализмом, причем к числу давних традиций студенчества относилось антивоенное движение и оппозиция правительству. За десять лет до этого, сразу после начала боев с японцами, студенты выступили против «вампирской войны», развязанной самодержавием, одержимым имперскими амбициями и высасывающим кровь собственного народа [5]. В 1904-05 годах патриотические манифестации были прямо заклеймлены как нечто противоречащее традициям студенчества. Поводом для этой характеристики послужил случай, когда несколько сотен консервативно настроенных студентов организовали патриотическую манифестацию, прошли колонной от Санкт-Петербургского университета к Зимнему дворцу, спели там «Боже, царя храни», и выслушали по своему адресу похвалу начальника полиции. Студенты-радикалы немедленно отмежевались от этого «преступления» и совершивших его «патриотов» и выступили с разъяснением, что они в это время участвовали в похоронах популистского лидера Никиты Михайловского. Действия патриотов они охарактеризовали как бесчестные, но одновременно и как отклонение от нормы, не отражающее истинных настроений студенчества.[6] Осуждение японской войны, пожалуй, было стержнем студенческих протестов периода 1904-1905 годов. Революционный 1905 год студенты также начали с акции, недвусмысленно свидетельствовавшей о политической направленности их движения: по окончании одной из февральских сходок толпа студентов сорвала портрет царя, висевший в главном зале Санкт-Петербургского университета, и разорвала его на куски под крики «Долой самодержавие!».[7]

А всего десятилетие спустя студенты несли на демонстрациях портреты царя и даже отдавали им поклоны. Патриотизм, несомненно, не только утратил свое негативное значение, но и послужил основой для примирения политических сил. До самой весны 1917 года большинство студентов будут поддерживать участие страны в войне (по крайней мере, в оборонительных целях), а те немногочисленные группы, которые выступят против войны или за поражение в войне, останутся в изоляции и будут крайне непопулярны. Любопытно, что поддержка студентами правительства испарится как дым уже в 1915 году. Настоящая работа исследует взаимосвязь меду патриотическими и радикальными настроениями петербургского студенчества в период между 1914 годом и началом революции 1917 года. Под патриотизмом я подразумеваю широкую поддержку участия страны в войне, основанную на некоторой идее родины, т.е. воображаемого сообщества людей, объединенного коллективной национальной самобытностью[8]. Рассматривая целый ряд проявлений патриотизма, включая патриотические манифестации и движение в помощь фронту, я выдвигаю гипотезу о том, что патриотическое движение объединяло различные политические пристрастия. Даже в самый начальный период

войны традиционные студенческие политические течения никуда не исчезли из стен вузов; они продолжали существовать, перемешивались с новыми патриотическими настроениями. Что касается студентов, то для них главным вопросом окажется связь между их политическими традициями и отношением к войне.

Патриотические манифестации и патриотические протесты.

Первые крупные студенческие патриотические манифестации вышли на улицы в марте 1913 года. Это была реакция (ставшая прообразом массовых демонстраций лета и осени 1914 года) на усиление международной напряженности, которой вскоре предстояло перерасти во Вторую балканскую войну. В день открытия одной международной конференции, созванной с целью разрешения балканского кризиса, около 500 студентов прошли по Санкт-Петербургу под знаменем объединенного славянства, отказались подчиниться требованиями полиции разойтись, и попытались устроить митинг протеста у здания посольства Германии. Распевая болгарские и российские национальные гимны, они скандировали «Долой Австрию!» и «Долой жидовскую дипломатию!».[9] Учитывая небольшое количество демонстрантов, а также националистическое и антисемитское содержание их лозунгов, этот инцидент можно было бы от нести на счет деятельности правого крыла студенчества, которое, хотя и выделялось своей активностью, представляло лишь незначительное меньшинство студенческих масс.[10] Однако через несколько дней на площади перед Казанским собором для участия в службе и демонстрации патриотических чувств под пение «Боже, царя храни», собралось от десяти до двенадцати тысяч человек, «преобладающим элементом» среди которых были студенты. Когда полиция попыталась их разогнать, они с упорством отказывались разойтись и встретили ее выкриками: «Австрийская полиция!», «Взять под козырек!», и «Гимн поют!». По подсчетам полиции, к началу вечера участие в этой демонстрации приняло около 15 000 человек, включая студентов и военных [11]. Эта цифра свидетельствует о том, что среди демонстрантов были отнюдь не одни только «академисты», как тогда назывались студенты, активно участвовавшие в студенческих корпорациях и правых политических организациях.

Волна патриотического энтузиазма достигла своего пика после первого призыва студентов на военную службу в октябре 1914 года. По утверждению «Петроградского листка», который отвел под этот материал половину газетной страницы, 8-го октября 3000 студентов университета прошли толпой через мост с Васильевского острова на Дворцовую площадь, где к ним присоединились тысячи прохожих и других студентов, главным образом, из Политехнического института. Неся портреты царя, размахивая флагами и распевая национальный гимн, толпа заполонила весь центр города.[12] Через неделю к студентам, протестовавшим против провокации, за которой последовало вступление в войну Турции, присоединились рабочие, и толпа опять прошла по городу по уже установившемуся маршруту с остановками около турецкого посольства, посольств союзников, на Невском проспекте, у Казанского собора и у Зимнего дворца.[13] Победы в Галиции в конце октября вызвали еще одну манифестацию, на этот раз по инициативе студентов Института инженеров путей сообщения.[14] Можно сказать, что октябрь 1914 года прошел под знаком националистических выступлений студенчества.

По своему характеру студенческий патриотизм отличался гораздо большим многообразием, чем предполагает однозначность политической символики патриотических манифестаций. Давайте присмотримся более внимательно к событиям, сопровождавшим призыв студентов в армию. По данным Охранного отделения и полицейских отчетов с мест, манифестация 8-го октября вызвала серьезные волнения в Петроградском университете, и на следующий день несколько сотен студентов собрались, чтобы ее обсудить. Некоторые из них призывали к спокойствию и порядку, тогда как другие пытались проанализировать связь между патриотическими манифестациями и традициями студенчества. По мнению одного из ораторов, явно члена студенческой группы эсеров, эта манифестация опозорила студенчество; при этом он сделал многозначительную ссылку на события девятилетней давности (т.е. 1905 года). Говоря о войне как об «ужасной необходимости», он призывал студентов, чтобы те, выполняя гражданский долг, оставались верными своим прежним традициям. «Мы пойдем на эту войну, но останемся с тем же ясным сознанием наших задач, с тою же верою в торжество нашего дела. Мы пойдем, но гимном нашим будет «Марсельеза». Под гром аплодисментов, он закончил свое выступление требованием амнистии политическим заключенным - стандартным лозунгом левых партий того времени. В этой ситуации именно патриотическая манифестация, а не поддержка студентами войны вообще, явилась нарушением традиций студенческого этоса.[15]

На следующий день, 10 октября, во время продолжения этой дискуссии, проявилось открытое разделение студентов по основным политическим взглядам того времени. На собрании в середине дня ректор официально передал студентам благодарность царя за излияние патриотических чувств 8-го октября. Большое количество студентов подержали его криками «Ура государю императору и армии!». Но как только ректор вышел из аудитории, в зале раздались голоса с требованиями амнистии политзаключенным, и началась сходка. Ректор вернулся и попросил студентов разойтись, но шум от этого только усилился, и, наконец, группа в составе около 500 студентов, распевая революционные песни, вышла из зала. Через некоторое время группа из примерно 150 студентов попыталась организовать патриотическую манифестацию, но, подчинившись требованию полиции, разошлась. Позже, после обеда, около 500 или 700 студентов собрались в длинном коридоре главного здания университета, чтобы обсудить сложившееся положение. Они сошлись на том, что вести войну необходимо, но выдвинули условие об амнистии. Судя по стилю резолюции этого собрания, требование об амнистии не было безусловным: «Студенты выражают полную готовность идти на войну и умереть за родину, но вместе с тем надеются, что не будет тюремной решетки между ними и товарищами, и будет дарована амнистия». По данным Охранного отделения, которое было склонно скорее переоценивать, чем недооценивать степень студенческого радикализма, студенты, проголосовавшие за эту резолюцию, в целом радикалами не были. Таким образом, на двух крайних полюсах находились члены революционных партий (эсдеки и эсеры), которые в большинстве (но не поголовно) считали эту резолюцию слишком мягкой, и правые группировки, чей лозунг был: «за отечество без условий».[16]

Аналогичный раскол произошел и в Политехническом институте, где некоторые студенты приветствовали призыв в армию исполнением «Боже, царя храни», а другие – «Марсельезой». На сходке 13 октября один студент, о котором известна только его фамилия – Каменский, разъяснил позицию прогрессивно настроенных студентов необычайно прямым для 1914 года языком: «Я бы вступил в бельгийскую армию – защищать ее независимость, вступил бы во французскую армию защищать свободу Франции, но в ряды русской армии вступить считаю невозможным, потому что русская армия защищает свое правительство, которое в прошлом достаточно показало себя, и даже теперь арестует [Владимира] Бурцева и других, готовых сражаться за Россию».[17]

Однако, в отличие от университета, где левые центристы были явно в большинстве, студенты-политехники разделились поровну и вообще отказались слушать ораторов от революционных партий.[18]

Споры октября 1914 года раскрывают концептуальную основу, на которой произошла быстрая политизация студентов в 1915 году. Требуя амнистии политическим заключенным в качестве условия собственного патриотизма, как нерешительно это требования ни было сформулировано, студенты тем самым демонстрировали свою неполную лояльность только по отношению к правительству, но отнюдь не по отношению к отечеству или его участию в войне. Выражая готовность выполнить свой гражданский долг в этот трудный для страны час, они надеялись, что наградой всеобщему единению во имя военной победы и отказу от внутренних политических разногласий послужит политическая оттепель в стране – надежда, которую в тот период разделяли многие левые центристы в России. Националистическое меньшинство, наоборот, рассматривало любые подобные условия как прямую измену. Взгляды националистов вызывали всеобщее недовольство, а иногда и открытые конфликты, тогда как в своей собственной позиции студенческое большинство еще не замечало никаких противоречий. Тем не менее, прокламации, которые распространяли той осенью как революционные партии, так и беспартийные левые, обращали на него внимание: студентам не следует поддерживать войну с «рабским патриотизмом» утверждали они; вместо этого нужно сражаться под знаменем студенческих традиций «за честь и достоинство родины».[19] В этот период лояльность студенчества косвенно принадлежала отечеству, но не государству.

Эти споры обнажили также новый конфликт поколений в среде прогрессивного студенчества, который Охранное отделение неточно характеризовало как конфликт между патриотизмом и радикализмом. Студенты младших курсов напирали в этой «идейной войне» на свое чувство долга, тогда как старшекурсники, как считалось, были более озабочены политической символикой патриотических манифестаций и часто подчеркивали свою верность

студенческим заветам. Этот конфликт выразился и в организационной форме. Беспартийную «Группу объединенных социалистов», которая и провела ту умеренную резолюцию студенческого собрания в университете, возглавляли главным образом студенты младших курсов. Установившиеся же партийные группы, с недоверием относившиеся к этой новой организации, стремились иметь в своих рядах как можно меньше новичков.[20]

О причинах этой ситуации можно только гадать, но, скорее всего, ее можно объяснить различным опытом поколений. Для старших студентов главной точкой отсчета служила революция 1905-1907 годов, свидетелями которой они были в свои отроческие годы; кроме того, они наверняка принимали участие в общенациональных студенческих забастовках 1908 и 1911 годов. Младшекурсники же выросли в период политического тупика и общественного кризиса, наступившего после революции 1905 года. Они также видели себя наследниками старших поколений студенчества, но идеалы и организационные структуры прежних либеральных движений часто казались им устаревшими и даже ненужными. В этом смысле показателен пример Сергея Жабы. Сергей Жаба, возглавлявший в 1914 году «Группу объединенных социалистов», позже встал во главе студенческих протестов против советской власти во имя «студенческих традиций», в число которых он включил права человека, человеческое достоинство, демократию и культуру.[21] Таким образом, под «студенческими традициями», на которые так часто ссылались, могли понимать иногда совершенно несовместимую смесь различных обычаев, политических симпатий и принципов, которые каждый раз понимались по новому и иногда оспаривались.

Эта смесь политических и патриотических течений дала о себе знать и в ряде мелких выступлений протеста осенью 1914 года. Первое такое столкновение произошло после того, как профессор юридического факультета Грибовский заявил, что студенческое и рабочее движение финансируются и организуются германским и австрийским правительствами – обвинение, которое в то время звучало довольно часто. Студенты ответили резким протестом против этой «клеветы», стали срывать лекции Грибовского и выпустили несколько прокламаций: «Протестуя против подобных антиморальных и некультурных выходок, мы, группа студентов, решили сегодня потребовать от г. Грибовского объяснения по поводу клеветы, брошенной им в глаза всего русского студенчества. Молчать мы не можем. Наш долг - встать на защиту наших заветных идеалов».[22]

Хотя после того, как Грибовского в конце концов убедили взять свое обвинение обратно, эти протесты быстро сошли на нет, в них проявилась сложная структура студенческих политических пристрастий, в которой традиционные студенческие идеалы явно без особых противоречий сочетались с патриотической поддержкой войны.

Признаки того, что студенты пересматривают свои традиции, проявились и в ноябре 1914 года, когда они, оставшись верными одному давнишнему обычаю, отказались от другого. Со дня смерти Льва Толстого в ноябре 1910 года, который студенты тогда отметили уличными демонстрациями и движением за отмену смертной казни, эту годовщину они отмечали постоянно – как правило, панихидами и символическими краткосрочными забастовками. Несмотря на запрет, дань этой традиции была отдана и 7 ноября 1914 года, когда официальные панихиды состоялись во многих учебных заведениях. В университете организовали сбор средств для ссыльных и заключенных в Сибири, в коридорах студенты пели не только «Вечная память», но и революционные песни. На Бестужевских курсах в таком же мероприятии участвовало 1000 курсисток, которые спели «Вечная память» и мирно разошлись. В технологическом институте в панихиде участвовало всего 50 студентов, но она все-таки состоялась. Однако прямо противоположной оказалась реакция студентов на арест социал-демократов – членов Государственной Думы, который последовал в конце ноября. Его встретили практически полным равнодушием, несмотря на призывы к протесту. По одному докладу Охранного отделения, на эту новость студенты ответили смесью недовольства, равнодушия и иронии, а на антивоенную прокламацию ответили откровенной враждебностью.[23] Таким образом, призывы революционных партий утратили свой некогда огромный авторитет – процесс, который начался еще до войны, но был несомненно усилен непопулярностью пораженческой позиции большевиков. Что касается других студенческих традиций, то им продолжали следовать с прежним постоянством.

Последняя вспышка общественного патриотизма, вызванная известием о падении Перемышля, имела место в марте 1915 года. Манифестация прошла по Садовой и Невскому проспекту до Казанского собора, где демонстранты преклонили колени в память о павших.[24] Несмотря на то, что эту демонстрацию также возглавляли студенты, она была лишь бледной копией своих предшественниц. Провал весеннего наступления на фронте, огромные потери и нарастающая военная катастрофа вскоре приведут к открытой критике правительства и его методов ведения войны.

---

[1] См. в: «Вчерашняя манифестация в Петербурге», «Петербургский листок» (далее – ПЛ), 190, 14 июля 1914 г., с. 3; «Патриотические манифестации в Петербурге», ПЛ, 191, 15 июля 1914 г., с. 4. См. также аналитическую работу по патриотическому движению в России: Hubertus F. Jahn, Patriotic Culture in Russia During World War I (Ithaca, 1995).

[2] См. в: «Патриотические манифестации в Петербурге», ПЛ, 193, 17 июля 1914 г., с. 4.

[3] «Воспрещение манифестации», ПЛ, 200, 24 июля 1914 г., с. 2.

[4] Обзор многочисленных вузов Петербурга см. в: Д. Марголин, «Справочник по высшему образованию», Петроград, 1915 г.

[5] Эти выражения почерпнуты из прокламации, датированной февралем 1904 года. См. в: ЦГИА, Санкт-Петербург, папка 139, оп. 1, док. 9921, 1. 76.

[6] Об этой демонстрации и реакции на нее см. в: РГИА, папка 1405, оп. 530, док. 114, 11.25, 30-32, 34, 48. Прокламации см. в: ЦГИА, Санкт-Петербург, папка 139, оп. 1, док. 9921, 11. 54-55, 72-74, 77. Сборники воспоминаний см. в: Г. Энгель и В Горохов, «Из истории студенческого движения (Санкт-Петербург, 1908), 100-102; В. Вольтинский, «Годы побед и поражений», т. 1 (Берлин, 1923), 10.

[7] О традициях студенческого радикализма и об этом инциденте см. в: Susan K. Morissey, Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism (New York, 1991), особенно гл. 4.

[8] О теориях патриотизма и национализма см. в: Benedict Anderson, Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism (Revised edition: London and New York, 1991), особенно с. 1-7; и E/J/ Hobsbawm, Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality (Cambridge, 1990), особенно с. 5-13.

[9] ЦГИА, Санкт-Петербург, папка 569, оп. 13, док. 1055, 11. 26, 39.

[10] По данным Министерства внутренних дел, официальные члены правых студенческих групп, зарегистрированных в Санкт-Петербурге в 1910 г., составляли 578 человек, и к 1913 году их количество не изменилось. См. в: РГИА, папка 733, оп. 201, док. 357, 11. 26-35а, особенно 32; ГАРФ, папка 102 (ДП ОО), 1913, док. 59, гл. 57, 11. 9, 7-10. О движении академистов см. в: Morissey, Heralds of Revolution, 78-80, 140-146.

[11] ЦГИА, Санкт-Петербург, папка 569, оп. 13, док. 1055, 11. 49-50. 57.

[12] А. П-ский, «Патриотическая сходка-манифестация студентов», ПЛ, 277, 9 октября 1914 г., с. 3.

[13] «День грандиозных патриотических манифестаций в Петрограде», », ПЛ, 285, 17 октября 1914 г., с. 4.

[14] А. П-ий, «Вчерашняя манифестация», ПЛ, 285, 26 октября 1914 г., с. 3. Сравн. доклады полиции, в которых указывается, что среди демонстрантов было около 200-500 студентов, большей частью армян, и что протест был в основном направлен против Турции. См. в: ЦГИА, Санкт-Петербург, папка 569, оп. 13, док. 1055, 11. 67-69.

[15] РГИА, папка 1405, оп. 530, док. 883, 1. 50, 53; ЦГИА, Санкт-Петербург, папка 569, оп. 13, док. 1182ж, 1. 34.

[16] РГИА, папка 1405, оп. 530, док. 883, 1. 51, 56-57. Оба эти отчета противоречат друг другу. Согласно первому, датированному 10 октября, на последнем собрании присутствовали 700 студентов левых убеждений, которые не принимали никакой официальной резолюции. Второй, от 19 октября, цитирует резолюцию собрания и сообщает, что на нем присутствовало «боле 500» студентов различных политических убеждений. Об общем отсутствии у студентов интереса к политическому радикализму см. в: ГАРФ, папка 102 (ДП ОО), 1915, док. 59, гл. 57, 1. 2.

[17] РГИА, папка 1405, оп. 530, док. 883, 1. 55-56, 60; ЦГИА, Санкт-Петербург, папка 569, оп. 13, док. 1182ж, 1. 37. Бурцев, радикальный публицист-эмигрант, подержал войну и призвал революционеров отложить на время военных действий свои политические цели. Однако по возвращении в Россию Бурцев был арестован. См. в: «Русские писатели: 1800-1917. Биографический словарь», т. 1 (Москва 1989), 372-373.

[18] ГАРФ, папка 102 (ДП ОО), 1915, док. 59, гл. 57, 1. 2.

[19] Эта прокламация была выпущена к годовщине Октябрьского манифеста; в ней содержалась жесткая критика предательства и измены правительства. См. в: РГИА, папка 1405, оп. 530, док. 883, 1. 58-60; ЦГИА, Санкт-Петербург, папка 14, оп. 1, док. 10873, 11. 17, 19-20; ГАРФ, папка 102 (ДП ОО), 1914, док. 59, гл. 57, 1. 57.
[20] РГИА, папка 1405, оп. 530, док. 883, 1. 57.
[21] О С. Жабе в 1914 году см. в: РГИА, папка 1405, оп. 530, док. 883, 11. 56-57. О его деятельности после Октябрьской революции см. в: Сергей Жаба, «Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу», Париж, 1922.
[22] РГИА, папка 733, оп. 201, док. 403, 11. 181, 183-184; ЦГИА, Санкт-Петербург, папка 14, оп. 1, док. 10873, 11. 10-11.
[23] РГИА, папка 1405, оп. 530, док. 883, 11. 64-76; папка 733, оп. 201, док. 505, 11. 2-9; ГАРФ, папка 102 (ДП ОО), 1915, док. 59, гл. 57, 11. 2-3. Отчет Общества помощи политическим ссыльным и заключенным 1914 года см. в: ЦГИА, Санкт-Петербург, папка 569, оп. 13, док. 1182ж, 1. 74.
[24] См. в: «День патриотических манифестаций в Петрограде», ПЛ 67, 10 марта 1915 г., с. 3 и «Вчерашняя политическая манифестация», ПЛ 69, 12 марта 1915 г., с 14. О манифестации гимназистов см. в: «Вчерашняя политическая манифестация», ПЛ 35, 5 февраля 1915 г.. с. 3.